

Японская православная церковь в 1917–1948 годах - от Московской патриархии к Американской митрополии

В 1947–1948 гг. Японская православная церковь, исторически и канонически связанная с Русской православной церковью, вошла в состав Американской митрополии – одной из православных юрисдикций Северной Америки. Несомненно, это подчинение Японской церкви Американской митрополии произошло под прямым давлением штаба оккупационных войск США. Но отторжение от Русской церкви началось задолго до второй мировой войны. Поэтому данную проблему следует рассматривать в контексте общей ситуации в русском православии после 1917 г. и места Японской церкви в нем; положения в самой Японской церкви в предвоенные и военные годы; степени возможности Московской патриархии восстановить прерванные войной связи с Японской церковью; места Митрополии в американском православии и причин, сделавших предпочтительным для оккупационных властей переход Японской церкви именно в эту юрисдикцию.

В 1912–1940 гг. Японскую церковь возглавлял епископ (с 1921 г. – архиепископ, с 1931 г. – митрополит) Сергей (Тихомиров). Исторические условия его служения были иные, нежели условия титанической деятельности первосвятителя Николая в эпоху Мэйдзи. Трагически отразившись на судьбе самого владыки Сергея, они привели в конечном счете к отторжению Японской церкви от Русской. Начало было положено событиями революции и гражданской войны в России, коренным образом изменившими судьбы русского православия. Война, изменение границ, эмиграция, отсутствие постоянной связи с Патриархом в Москве повлекли за собой многочисленные расколы, изменения юрисдикционной принадлежности многих епархий и церквей. 20–30-е годы часто называют периодом «великой церковной смуты». 20 ноября 1920 г. Патриарх Московский и всея Руси Тихон, учитывая катастрофическую ситуацию в стране, разделенной враждующими армиями, выпустил указ № 362, предписывавший епархиям, оказавшимся по какой-либо причине вне связи с патриархией, переходить на временное самоуправление. В 1921 г. в Сремских Карловцах, состоялся Собор эмигрировавших из России иерархов, принявший со ссылкой на указ Патриарха Тихона решение о создании временно самоуправляющейся Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). Поначалу РПЦЗ мыслила себя как каноническая часть Московской патриархии в изгнании. Однако активная монархическая позиция, которую занимали многие иерархи РПЦЗ, не раз ставила под удар церковь в СССР, и без того подвергавшуюся жестоким репрессиям. В то же время вынужденные заявления Московской патриархии о лояльности советской власти вызывали негодование в РПЦЗ. Кульминацией стало издание в 1927 г. заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским), стоявшим во главе РПЦ с 1925 г., «Декларации» о полном признании власти и совместной работе с ней для блага советской родины, «радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи». Более того, в ней содержалось требование к заграничному духовенству «дать письменное обязательство в полной лояльности к советскому правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии». В ответ Заграничный синод постановил «прекратить административные сношения с Московской Церковной властью... ввиду порабощения ее безбожной советской властью, лишаящей ее свободы в своих волеизъявлениях и каноническом управлении Церковью»³. Требуемую подписку дали лишь немногие иерархи, и среди них – глава Японской церкви, архиепископ Сергей (Тихомиров). Таким образом, в 1927 г. разделение РПЦЗ и Московской патриархии стало несомненным фактом. Первая претендовала на роль единственной юрисдикции, объединяющей всех русских православных людей в изгнании. При образовании она действительно включала в себя практически все территории, на которых существовали русские приходы. Однако с середины 20-х годов разгорелся конфликт руководившего Церковью Синода с двумя из четырех

ее округов – Западно-Европейским и Северо-Американским, которые стремились к самостоятельному устройению церковной жизни.

Наиболее последовательными были автономистские тенденции в Северной Америке, где православие имело особую, значительно более длительную историю. Основанная в конце XVIII в. валаамскими иноками Северо-Американская епархия Русской православной церкви до революции объединяла подавляющее большинство православных в Америке, среди которых были не только русские переселенцы, но и крещеные местные жители, в особенности на Аляске и на Алеутских островах; в состав епархии входили также грекоязычные, арабоязычные приходы и воссоединившиеся с православной церковью бывшие униаты из Галиции и Карпатской Руси. Однако события 1917 г. вызвали у представителей иных народов – сербов, арабов, греков – желание обособиться от Русской церкви, результатом чего стал их переход в подчинение своим национальным патриархатам. Американское православие оказалось разбитым на множество юрисдикций, и русская епархия не могла более претендовать на всеобъемлющее значение на континенте. В результате конфликта с патриархом Тихоном, с одной стороны, и РПЦЗ – с другой, в 1924 г. было провозглашено самоуправление Северо-Американской епархии, переименованной в Американскую митрополию (Митрополичий округ). К началу второй мировой войны большинство русских православных в Америке принадлежало к Американской митрополии, формально признававшей юрисдикцию РПЦЗ, но фактически самостоятельной в своем управлении. Особняком стояли несколько архиереев, действительно преданных РПЦЗ. Кроме того, существовали немногочисленные приходы в юрисдикции, возглавляемые митрополитом Вениамином (Федченковым).

Японская православная церковь в отличие от большинства зарубежных образований РПЦ, объединявших русскую диаспору, состояла в большинстве своем из японцев. Она была единственной достаточно крупной национальной церковью, возникшей в лоне РПЦ. И ее деятельность на протяжении XX в. – это история попыток обретения самостоятельности. Отчетливо эта проблема обозначилась после революции. Непосредственным следствием революции стало полное прекращение финансирования из России, хотя до той поры материальная помощь была основным источником существования Японской церкви. Это привело к резкому сокращению числа священнослужителей, почти полному упразднению должности катехизаторов, закрытию духовной семинарии, функционировавшей с 1875 г., и т. д. И все же Японская церковь выстояла и, хотя и вынужденно, оказалась независимой в финансовом отношении от Русской церкви. Другим не менее важным следствием стала волна русской эмиграции в Японию. Конечно, она была далека от масштабов эмиграции в Европу и Америку. В Японии единовременно находилось не более 4–5 тыс. беженцев из России. Многие, особенно пережившие Кантоское землетрясение 1923 г., стремились перебраться из Японии в США, Австралию и другие страны. Это был новый фактор для Японской

православной церкви – до того японским священникам во время войны 1904–1905 гг. приходилось окормлять лишь русских военнопленных. Столкновение с русскими единоверцами способствовало более глубокому осознанию национальной специфики японского православия, отделению его от русского. В городах, где образовались крупные колонии эмигрантов, – Иокогама, Кобэ, Нагасаки – существовали и отдельные русские приходы. Контакты с местными японскими верующим были минимальны.

Хотя гонения на православную церковь, начатые советским государством, сделали невозможными реальные контакты Русской и Японской церквей, митрополит Сергей продолжал настаивать на их каноническом единстве. Конечно, владыка понимал, что после революции Японская православная церковь жила независимой жизнью. В 1927 г. в своем докладе в Россию он писал: «Японская Православная Церковь будет весьма духовно утешена, если Московская патриархия, знающая уже ее самостоятельность во внутренних делах, так или иначе подтвердит эту самостоятельность и особым дарственным актом»⁵. Предоставление автономии не состоялось. В том же докладе митрополит Сергей подчеркивал, что Японская церковь «всегда мыслила и мыслит себя в лоне Московской Патриархии»⁶. Он продолжал изредка поддерживать с Москвой почтовую связь. Можно предположить, что для владыки Сергея, приехавшего в Японию в качестве помощника святителя Николая (Касаткина) в 1908 г. и с тех пор ни разу не бывшего в России и к 30-м годам полностью утратившего контакты с родственниками, переписка с митрополитом Сергием (Страгородским) была единственной связью с Родиной, и он ею дорожил. В мае 1944 г. в связи со смертью Страгородского владыка Сергей напишет: «Православная Церковь потеряла незаменимого вождя. Богословская наука потеряла выдающегося ученого. Отечество потеряло верного, пламенного патриота. Я лично потерял моего старого друга и отца».

Вместе с тем, на протяжении 20-х годов митрополит Сергей поддерживал контакты и с иерархами Дальне-Восточного округа РПЦЗ. Он неоднократно выезжал в Харбин и Шанхай, собирая пожертвования на восстановление Токийского кафедрального собора Воскресения Христова («Николай-до»), значительной частью разрушенного во время Кантоского землетрясения. На освящении возрожденного собора 15 декабря 1929 г. присутствовало харбинское духовенство во главе с архиепископом Харбинским Нестором и архимандритом Ювеналием. В этот же день пришла и поздравительная телеграмма от заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея: «Сорадуемся радости Японской церкви. Молимся. Просим молитв. Митрополит Сергей с Синодом». В 1931 г. добрососедским отношениям с Дальне-Восточным округом пришел конец. Был получен указ Заграничного Синода: «Прервать молитвенное общение с митрополитом Сергием Японским, как признающим митрополита Сергия Московского»⁹. К середине 30-х годов полностью прекратились и контакты с Москвой, где

государственные органы «целенаправленно ликвидировали все контакты Русской церкви с внешним миром, чтобы сведения о ее разгроме и уничтожении духовенства не стали достоянием мировой общественности». Утратив связь с Московской патриархией, митрополит Сергей остался в духовном вакууме, хотя и не утратил веры в необходимость единства Японской и Русской церквей. Но не было такой веры у многих прихожан Японской православной церкви. Не все разделяли убежденность владыки Сергея в необходимости сохранения единства с «красной церковью» Советского Союза. С нарастанием милитаризма и ксенофобии в 30-е годы эти настроения получили еще большее распространение. Немалое число выпускников Токийской духовной семинарии зарабатывало себе на жизнь внецерковным трудом, чаще всего преподаванием русского языка, а в знании русского в то время нуждалась, прежде всего, армия. Так, японские священники активно использовались в Маньчжурии для ведения там пропаганды среди русского православного населения. В целом в Японской православной церкви сложилась влиятельная группа верующих, которые преподавали русский в военных учебных заведениях и, ориентируясь на линию военного командования, ратовали за полную самостоятельность церкви и за то, чтобы ее возглавлял японец.

В 1939 г. был принят Закон о религиозных организациях, согласно которому все они до апреля 1941 г. были обязаны пройти регистрацию в министерстве народного просвещения. Обязательным условием регистрации было управление ими японцами. Этот закон, призванный ослабить иностранное влияние в стране, нанес удар по всем христианским конфессиям, во главе которых стояли иностранцы. Начался процесс их замены японцами. Митрополит Сергей был вынужден покинуть свой пост. 4 сентября 1940 г. он передал временное управление делами Церкви Арсению (Хэйкити) Ивасава, влиятельному верующему, связанному с военными кругами. Ивасава, выпускник Токийской духовной семинарии, продолжил образование в России, в Московской духовной семинарии и в Санкт-Петербургской духовной академии, которую окончил в 1888 г. со степенью кандидата богословия. В академии он был соучеником Святейшего патриарха Тихона и главы РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского). Вернувшись в Японию, Ивасава вначале преподавал философию и нравственное богословие в Токийской семинарии, одновременно сотрудничая с переводческим отделом миссии, а с 1918 г. стал преподавателем русского языка в Высшей школе сухопутных войск. Почти сразу же после его назначения управляющим в церкви начались недовольства. В декабре верующие потребовали проведения внеочередного Собора, однако Ивасава отказал им. Тогда, 11 января 1941 г., они избрали нового управляющего делами Японской православной церкви – настоятеля церкви в Осака протоирея Якова (Синтаро) Тохэй, а также членов консистории. Ивасава, чьи сторонники оказались в явном меньшинстве (по оценкам митрополита Сергея, они составляли не более 20% верующих), был вынужден уйти в

оппозицию, и фактическое руководство перешло к протоиерею Тохэй и консистории.

Тем временем о сложностях Японской православной церкви стало известно Синоду РПЦЗ. В начале 1941 г. митрополит Анастасий отправил своему бывшему соученику телеграмму, в которой указывал на невозможность существования Церкви без епископа и, настаивая на скорейшем избрании нового архиерея, обещал содействие в его рукоположении. Действительно, Церковь не может нормально функционировать без епископа, а возвести в епископский сан (совершить хиротонию) по церковным канонам имеют право только другие епископы, но никак не простые священники. А епископов, кроме митрополита Сергия, в Японской церкви не было. Сам Ивасава не был даже священнослужителем и, несмотря на уговоры некоторых своих сторонников, не соглашался принимать священнический сан. Поэтому необходимо было найти другого кандидата, который бы устроил японское военное командование. В конце концов, Ивасава остановил свой выбор на старейшем протоиерее Иоанне Оно (ему было 70 лет), не принявшем участия в собрании 11 января 1941 г.

Иоанн Оно (Киити Ямадзаки) родился в 1872 г. в деревне Каннами префектуры Сидзуока и впервые познакомился с православием в школьные годы, когда его старший брат принял крещение и стал катехизатором. В 1885 г., по окончании средней школы, Киити решил продолжить образование в столице и пешком пришел в православную миссию. Святитель Николай посоветовал ему поступить в духовную семинарию. Юноша последовал его совету, приняв крещение с именем Иоанн. По окончании семинарии в 1892 г. он был рукоположен в дьяконы. Женившись на Вере Оно – приемной дочери одного из самых первых крещенных святителем Николаем японцев, взял ее фамилию. В марте 1905 г. он был рукоположен в священники и по окончании русско-японской войны духовно окормлял русских военнопленных в лагере неподалеку от Осака. В 1925 г. отец Иоанн был возведен в сан протоиерея, с 1940 г. назначен служить в Токийском кафедральном соборе. Отец Иоанн всю свою жизнь служил в провинции, поэтому верующие Токио его совсем не знали и не испытывали к нему доверия. Он не был человеком сильной воли и больших административных способностей, и, по-видимому, группа Ивасава использовала его как подставное лицо в своей борьбе за власть над церковью.

В марте 1941 г. протоиерей Иоанн Оно направился в Харбин. Брак не стал препятствием к получению епископского сана. В Харбинском кафедральном соборе Оно принял монашеский постриг с именем Николай и был возведен в сан архимандрита. Матушка Вера была пострижена в монахини во Владимирском женском монастыре. 6 апреля 1941 г. состоялась хиротония Оно, которую совершали архиереи РПЦЗ. Известие о хиротонии ставленника Ивасава большинством духовенства и мирян в Японии было принято

враждебно. На обратном пути в Токио Оно встретила делегация от церкви с просьбой не въезжать в столицу. Тем не менее, в канун Пасхи Ивасава все же привез нового епископа к воротам Токийского кафедрального собора, через два часа прибывших пустили на паперть, но двери собора так и не открыли, и пасхальная служба была отменена. Епископу Николаю пришлось совершать богослужение в доме дьякона. За неделю до Троицы, 31 мая, Оно удалось занять здание собора, и на Троицу здесь состоялась служба. Однако большинство верующих молились в другой церкви на территории собора с отцом Яковом Тохэй. 18 июня 1941 г. состоялся внеочередной собор Японской православной церкви, на котором присутствовали епископ Николай Оно, протоиерей Яков Тохэй и их сторонники, а также японские военные и чиновники из министерства народного просвещения. Под их давлением было решено признать Николая Оно епископом, управляющим церковью, протоиерея Якова Тохэй возвести в сан епископа и обоим управлять церковью по очереди в течение года, от Пасхи до Пасхи. Консистория при правящем архиерее должна была состоять из представителей обеих партий. Однако хиротония отца Тохэя так и не состоялась. Японская военная миссия в Харбине уведомила церковь, что до окончания войны не позволит рукополагать другого епископа.

Трудности военного времени не сгладили противоречий. Несмотря на формальное руководство Оно, поддерживаемого военным режимом, большинство верующих находилось в оппозиции, хотя и не осмеливалось высказывать протест открыто. Были у него и явные противники, до того входившие в консисторию отца Тохэя священники Иоанн Кодэра, Яков Ямагути, Самуил Удзава, верующий Лиин Сато. Полиция изъяла находившиеся у них печать и документы церкви. Однако к концу войны и епископу Николаю было запрещено судом вести церковные дела. В качестве предупредительной меры были заморожены все капиталы церкви в банках и все доходы с арендных статей. Был назначен новый состав Консистории.

Отдельной страницей военной истории Японской церкви является положение русских. Вступление Японии в войну еще четче обозначило разделение верующих по национальному признаку. Токийский район Суругадай, где стоял кафедральный собор Николай-до и где жила большая часть русских, был объявлен «запретной зоной» для иностранцев. Русских переселяли в Каруидзава, где не было ни церкви, ни священника. Те, которым удалось остаться в Токио, объединились вокруг митрополита Сергия, с января 1941 г. переехавшего в бывший англиканский миссионерский дом в районе Сэтагая. В этом доме он устроил молитвенное помещение и с 8 октября начал службы. Митрополит Сергий неоднократно высказывал перед своей паствой сочувствие Советскому Союзу, борющемуся с фашистскими захватчиками. Служил он один, без дьякона.

В 1943 г. владыка писал начальнику Русской духовной миссии в Коре: «Я в Суругадае за 32 года жизни там ни разу не имел такой любви и сердечности, каковые я видел здесь и в 1941, и в 1942 году... и особенно ныне»¹². Прихожане помогали владыке с оплатой квартиры, приносили продукты. Нужно сказать, что оказывали ему помощь и многие японские приходы. Тем не менее, митрополит Сергей все равно сильно нуждался и в материальной поддержке, и в духовном утешении. В письме от 19 октября 1944 г. чувствуются горькие ноты: «Родные мне не пишут с 1932 г. Переписку, а чаще – обмен телеграммами имел только с Блаж. Сергием – со Свят. Сергием. Но нет Его: оборвались мои связи с Родиной!.. Ну, и думаешь: “Memento mori”... До писем ли? Но тем горячее молитвы мои». Церковного общения с епископом Николаем Оно митрополит митрополит Сергей не поддерживал.

Вторая мировая война явилась переломным моментом в отношении советского государства к церкви. 4 сентября 1943 г., незадолго до Тегеранской конференции, в Кремле состоялась знаменательная встреча Сталина с тремя остававшимися на свободе иерархами – митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). Во время этой встречи Сталин дал санкцию на восстановление нормальной деятельности Московской патриархии. Митрополит Сергей спешно и с множеством нарушений был избран патриархом на импровизированном соборе РПЦ 8 сентября. Конечно, Сталин не ставил своей целью реальное возрождение православной духовности в стране. Но чем яснее становились перспективы послевоенного передела мира, тем большее значение приобретал тот факт, что во многих странах имела русская православная паства, которая могла быть возвращена в юрисдикцию Московской патриархии, а это был хороший путь усилить советское влияние. При правительстве был образован Совет по делам РПЦ во главе с полковником госбезопасности Г. Г. Карповым, который стал контролировать деятельность РПЦ и направлять ее в нужное государству русло. С советом сотрудничали и иные ведомства, в частности дипломатическое.

В мае 1944 г. митрополита Сергия посетил один из сотрудников советского посольства и передал просьбу Московской патриархии сообщить о состоянии дел. Владыка направил митрополиту Ленинградскому Алексию отчет и телеграмму с соболезнованиями в связи с кончиной патриарха Сергия. Летом 1944 г. Тихомиров получил советское гражданство. От митрополита Алексия пришло письмо: «В ноябре месяце у нас предполагается Собор Преосвященных Архиереев для предварительного Соповещения о порядке созыва Поместного Собора Русской Православной Церкви, который у нас предназначен на январь месяц 1945 г. Надеюсь на то, что Вы могли бы к этому времени, а быть может даже и раньше, прибыть в Москву, я посылаю Вам при сем официальный вызов и надеюсь, что Господь и Вам даст радость

возвращения на отеческую землю, и нам утешение братского общения с Вами». На Архиерейский собор митрополит Сергей не выехал, но в декабре, при очередной встрече с послом СССР в Японии Я. А. Маликом, передававшим ему письма из Патриархии, изъявил желание выехать в Москву к Поместному собору, который должен был избрать нового главу РПЦ. «Однако через несколько дней, ссылаясь на условия зимнего времени и свой преклонный возраст, высказал боязнь относительно поездки. При этом вскользь упомянул об отсутствии в письмах Алексия сообщения о его дальнейшей церковной службе».

В своем отчете о встрече с митрополитом Малик просил «выделить средства на приобретение Сергию теплой одежды и вообще на его поддержание, ибо он, живя на скудные средства верующих, сильно нуждается». Малику было дано указание выделить из сметы посольства средства «для приобретения Сергию необходимой одежды, а также денег и на дорогу и на питание» и сообщить о том, что в СССР ему предполагают выделить епархию. Тем не менее, владыка ответил, что по состоянию здоровья в ближайшее время Японию он покинуть не сможет, доктора посоветовали ему лечь на 3–4 недели в больницу: проблемы с сердцем и почками, отеки на ногах, повышенное давление. Однако «весной-летом я, аще (если. – Ред.) Богу будет угодно, возвращусь под Ваше мудрое водительство». Свой голос митрополит Сергей отдавал за митрополита Алексия.

Очевидно, митрополит Сергей оттягивал отъезд и из понятного страха старого человека перед возвращением в страну, которую он покинул 37 лет назад и где его никто не ждал, а также под давлением японских властей, которые не могли допустить выезда из Японии иерарха, прожившего в ней столь долгий срок и слишком хорошо разбиравшегося во внутренней обстановке. По некоторым сведениям, владыке даже намекали на то, что снова могут привлечь его к руководству Японской православной церковью. Но выяснилось, что митрополит Сергей от подобной перспективы откажется и что он все-таки намеревается уехать в Советский Союз. Тогда, в мае 1945 г., его арестовали по подозрению в шпионаже в пользу СССР. Через 40 дней митрополита Сергия выпустили, но здоровье его было окончательно подорвано заключением. 10 августа 1945 г. он умер в своей квартире.

К окончанию второй мировой войны Японская православная церковь переживала административный и финансовый кризис. Во время бомбардировок были разрушены храмы в ряде японских городов. Тринадцать священников не выдержали испытаний военного времени. Оккупация страны Соединенными Штатами Америки от имени союзных держав стала началом прочного вхождения Японии в сферу американского влияния. С падением милитаристского режима группа, боровшаяся за смещение епископа Николая Оно, получила реальный шанс это осуществить. Однако в случае его отстранения Японская православная церковь лишалась единственного

архиерея. А ведь необходимо было рукополагать в сан новых священников (что является прерогативой епископа), нужны были материальные средства на восстановление разрушенного войной хозяйства. Поэтому церковь снова оказывалась перед необходимостью установить отношения с какой-либо православной юрисдикцией. И теперь, казалось, должно было произойти возобновление канонических связей с Московской патриархией.

Новая политика, начатая советским государством по отношению к церкви в 1943 г. (получившая впоследствии наименование «сталинского конкордата»), давала свои результаты. Сталин решил превратить Русскую православную церковь «в центр международного православия с политическим уклоном, своего рода “православный Ватикан”, который мог стать духовно-православной опорой международной политики Кремля» в послевоенном мире. В 1945 г. Карпов в отчете правительству докладывал: «Внешняя деятельность РПЦ направляется Советом в следующих направлениях. 1. Воссоединение с Московской патриархией русских православных церквей за границей. 2. Установление тесных и дружественных отношений с православными церквями славянских стран. 3. Дальнейшее укрепление связей с главами других автокефальных церквей и влияния в решении международных церковных вопросов». Наиболее успешно выполнялся второй пункт, касавшийся стран народной демократии, но значительные достижения были и в деле воссоединения патриотически-настроенных русских эмигрантских приходов. Заграничный Синод, утративший прежний авторитет, покинул Сербию вместе с немецкими войсками и обосновался в Мюнхене. В сентябре 1945 г. московскую юрисдикцию признало большинство приходов в Западной Европе, а в октябре в подчинение Патриархии перешли все архиереи Дальневосточного округа РПЦЗ (кроме епископа Шанхайского Иоанна, уехавшего впоследствии в США) и Русская духовная миссия в Китае. В 1946 г. китайские приходы были преобразованы в Восточноазиатский экзархат Московской патриархии во главе с митрополитом Нестором.

27 марта 1946 г. Консистория составила прошение избранному Патриарху Алексию о воссоединении с Матерью-Церковью и о направлении в Японию представителя от Московской патриархии. Епископа Николая известили об этом прошении в последний момент, надеясь, что он откажется поставить свою подпись, и это станет поводом к его отстранению. Однако, поскольку переход его в юрисдикцию Московской патриархии оказывался, по существу, механическим, ведь с ней уже воссоединились остальные иерархи Дальневосточного округа, Оно документ подписал (правда, это не помогло ему удержаться у власти). Ответная телеграмма от Алексия гласила, что пожелание о воссоединении принято с любовью и в дальнейшем предполагается прибытие в Японию представителя Московской патриархии для выяснения дел.

5–6 апреля 1946 г. состоялся первый после войны Чрезвычайный собор Японской православной церкви. Он постановил: «Епископ Оно, которого поддерживала военщина и тайная полиция, поняв новое положение, должен добровольно покинуть свой пост». Собор постановил также запретить участвовать в священнослужении сторонникам Оно – священникам Антонию Такаи и Иоанну Иосимура. Было принято решение подготовить к следующему Собору кандидатуры для возведения в сан епископа.

Но самое главное – резолюция об отношениях с Московской патриархией оказалась на удивление туманной: «Японская Православная Церковь должна признать и иметь контакт с Московским Православным Патриархатом. Уже с давних времен существует традиционная и историческая связь с Московским Православным Патриархатом, и наша вера, богослужение и церковные правила абсолютно одинаковы». И тут же: «Японская Православная Церковь с помощью Главной квартиры оккупационных войск решила прибегнуть к помощи Американской Православной Церкви, чтобы улучшить состояние Церкви, а также просить помощи в работе ее проповедников. Японскую Православную Церковь посещают многие русские верующие, живущие в Японии, офицеры и солдаты американских оккупационных войск, и именно по этой причине Собор решил просить командующего оккупационных войск о том, чтобы он помог прислать в Японию из США русского епископа».

Это следовало понимать так: Японская православная церковь желала восстановить связи с Московской патриархией, однако боялась, что это вызовет недовольство американского оккупационного командования, и потому, чтобы смягчить впечатление, просила вызвать епископа не непосредственно из СССР, а из США, где также существовали приходы Московской патриархии. Но ведь юрисдикций в Америке было несколько! Героическая борьба советского народа с фашистской Германией и возрождение религиозной жизни в СССР вызвали всплеск патриотических настроений и у русских православных в США, однако массового воссоединения с Московской патриархией в Америке не произошло. Хотя на Седьмом всеамериканском соборе, прошедшем в Кливленде 26–29 ноября 1946 г., большинство участников высказалось за разрыв отношений с Заграничным Синодом и восстановление канонических связей с Русской православной церковью при сохранении полной автономии, по мере охлаждения в отношениях СССР и США перспективы воссоединения с Москвой становились все менее реальными. Руководство митрополии изначально не разделяло ностальгического порыва простых верующих. И когда в июле 1947 г. в Америку прибыл полномочный представитель Патриарха московского и всея Руси митрополит Ленинградский Григорий, глава Американской митрополии Феофил (Пашковский), упорно избегая встречи с ним в течение трех месяцев, сорвал переговоры. Митрополит Григорий, опубликовав послание к православной пастве Америки с выражением скорби о несостоявшемся воссоединении, вынужден был покинуть страну.

Причины были более глубокими, нежели простая боязнь руководящих архиереев Американской митрополии потерять власть. Епископ Бруклинский Иоанн, активный поборник независимости митрополии, подчеркивал ее стремление стать американской национальной церковью, что не согласовывалось ни с интересами Московской патриархии, ни с интересами РПЦЗ. 22 ноября 1947 г. в Сан-Франциско прошел Собор епископов, отклонивший предложения митрополита Григория и постановивший «отложить оформление канонической связи Северо-Американской Церкви с Московской Патриархией до более благоприятного времени... Жить на прежнем основании, осуществляя полную автономию в своей церковной жизни». На американской земле остались три русские православные юрисдикции – Американская митрополия (объединявшая большинство верующих), выделившаяся из нее епархия РПЦЗ и Патриарший экзархат.

Резолюция апрельского собора Японской церкви не уточняла, к какой из юрисдикций должен принадлежать «русский епископ из США». Правда, в новом письме Патриарху Алексию, переданном 24 апреля через посольство, Консистория сообщала: «Японская церковь изъявила желание войти с ходатайством в епархию митрополита Вениамина в Нью-Йорке, которая подчиняется Вам, о присылке для службы в Японии одного русского епископа и об оказании поддержки». Кроме того, Консисторией был составлен меморандум непосредственно на имя митрополита Вениамина, переданный ему по неофициальным каналам, через возвращавшихся в США православных офицеров. Митрополит Вениамин доложил в Москву о получении просьбы Японской православной церкви и получил ответ, что в ближайшем будущем планируется приезд в Японию епископа непосредственно из СССР. Таким образом, Японская православная церковь не поднимала вопрос о выходе из подчинения Московской патриархии. Однако в письме с просьбой о содействии в приезде епископа из Америки, переданном чуть ранее, 14 апреля, в Отдел религий штаба Макартура, юрисдикционная принадлежность этого епископа не была указана, что дало штабу возможность выбора. И выбор этот, естественно, пал на Американскую митрополию. Не последнюю роль сыграл находившийся в Японии полковник американской разведки Паш (Пашковский) – родной сын митрополита Феофила, проводивший «активную работу по отторжению православных приходов от Московской патриархии». 17 августа 1946 г. глава Митрополии митрополит Феофил писал Заграничному Синоду: «Грустно за Церковь японскую, что ее может поглотить советская Церковь..., о чем мне пишут и просили прислать от нас епископа».

31 октября – 1 ноября в Нью-Йорке состоялся Малый собор епископов Американской митрополии. На нем было решено по просьбе военных властей США послать в Японию «для ознакомления с ситуацией» епископа Питтсбургского и Западной Вирджинии Вениамина (Басальгу), тезку

Патриаршего экзарха по случайному(или не случайному?) совпадению, о чем митрополия уведомила Японскую православную церковь. Консистория обсудила это сообщение, но так и не приняла никакого решения, так как несколько членов Консистории (К. Мори, С. Судзуки, Ф. Д. Швец) высказались против. На заседании присутствовали представители американского командования, которых такие результаты не удовлетворили. Советское посольство в Токио било тревогу, требуя от Совета по делам РПЦ «весьма срочно командировать делегатов Московского патриарха для упорядочивания дел и сохранения позиций Русской православной церкви в Японии». Действительно, Патриархия медлила с посылкой своих представителей в Японию. То ли объем свалившихся на нее международных поручений был так велик, то ли не удавалось согласовать с советом состав делегации. Кандидатуры несколько раз менялись. Еще в марте 1946 г., получив прошение Консистории о воссоединении, патриарх набросал «предварительные соображения по делу о командировке в Японию». Но лишь в ноябре эта тема всплыла вновь. Карпов уведомил советское посольство, что в Японию должны выехать епископ Одесский и Кировоградский Сергей (Ларин) – чтобы ознакомиться со сложившейся ситуацией и через две недели вернуться в СССР для доклада Патриарху, и епископ Черниговский и Нежинский Борис (Вик) со своим секретарем – чтобы остаться в Японии для управления церковью. Патриарх Алексей направил Консистории телеграмму, извещавшую, что делегация Московской патриархии скоро прибудет в Японию. Эту телеграмму заведующий Консульским бюро советской части Союзного совета для Японии Волгин принес в консисторию в день ее следующего заседания.

В архивах сохранилось описание этого визита: «Волгин отвез текст телеграммы патриарха Алексея в консисторию 24 ноября и вручил ее уже во время заседания последней. После взаимных приветствий Волгин осведомился о повестке совещания. Член консистории Манабэ ответил, что они обсуждают кандидатуры в священники для посвящения их в этот сан с приездом из США епископа Вениамина. На вопросы Волгина, Манабэ показал ему письма Феофила, одно из них на английском языке, второе на русском. К первому письму приложена препроводительная записка штаба Макартура. Феофил пишет, что он весьма доволен случаем принять японскую православную церковь под свое руководство и, во исполнение просьбы штаба главнокомандующего, решил направить в Японию своего епископа Вениамина, на что просит согласия консистории и выражает свое удовлетворение, что японская православная церковь свободна от влияния Московской патриархии, “тем более что церковь в России не является свободной”».

После краткого слова Волгина о том, что принятие епископа от Феофила было бы проявлением нетактичности по отношению к Московской патриархии и неблагодарности к российской церкви..., выступили Манабэ и

Сато, которые стремились доказать, что японцы, как побежденные в войне, должны подчиняться штабу союзных держав, что они веруют с Феофилом в одного Бога и поэтому им безразлично, какой епископ к ним приедет... Узава сказал, что они признают Московскую патриархию, с удовольствием примут ее представителей, но не могут отказать и в приезде епископа от Феофила, как гостю.

Затем члены консистории пожелали обсуждать вопросы в присутствии только состава консистории. Перед уходом Волгин повторял, что японская православная церковь находится в юрисдикции патриархии, и ее представители, возможно, уже находятся на пути в Токио, поэтому единственное решение, которое может быть принято – это ждать приезда представителей от патриархии и отказаться от приема епископа от Феофила. На это Манабэ ответил репликой: “Кто из них скорее приедет, того и примут”».

Итак, в решении вопроса о том, к какой юрисдикции будет принадлежать Японская церковь, Консистория повела себя абсолютно пассивно, побоявшись вступить в конфликт со штабом оккупационных войск. Вообще, неизбежность иностранного руководства японские православные принимали скрепя сердце, и потому им по большому счету было все равно, к какой именно юрисдикции оно будет принадлежать (чего никак нельзя сказать о русских эмигрантах). 28 ноября Консистория окончательно решила принять епископа от митрополита Феофила. Это решение «мотивировали необходимостью подчиниться штабу Макартура и пришли к общему мнению, что приезд представителей от Московской патриархии будет зависеть от разрешения штаба Макартура, а не от Консистории».

Лишь 13 декабря штаб Макартура получил от советских дипломатов запрос о разрешении на въезд делегации от Московской патриархии. А 6 января 1947 г. на имя члена Союзного совета для Японии от СССР генерал-лейтенанта Деревянко был прислан меморандум следующего содержания: «Запрос на разрешение не удовлетворен ввиду того, что такие запросы должны быть представлены главнокомандующему от Консистории православной церкви в Японии. Такой запрос для оказания помощи от Московской патриархии не был получен от православной церкви в Японии. С другой стороны – штаб получил запрос для оказания помощи от епископа православной церкви США. Этот вопрос удовлетворен и епископ Соединенных Штатов Вениамин сейчас находится на пути в Токио. Вполне естественно, что в связи с прибытием его до 7 или 7 января 1947 г. должность будет занята, и нет необходимости, чтобы три представителя православной церкви, указанные в Вашем письме, выезжали в Японию».

Епископы Сергей и Борис, более месяца прождав во Владивостоке выдачи виз, вынуждены были вернуться, не выполнив своей миссии. Кто знает, как бы сложилась судьба Японской церкви, возглавить ее епископ Борис, но, несомненно, оба посланца Патриархии были людьми с крепкой политической

хваткой. Оба из бывших «обновленцев», они были посвящены в епископский сан во время войны (Ларин – в 1943 г., Вик – в 1944 г.), когда церковь любой ценой стремилась восполнить оголенные ряды иерархов. В 60-е годы Ларин несколько раз посещал Японию, и во время его визита на торжества по случаю 100-летия прибытия туда святителя Николая летом 1961 г. в юрисдикцию Московской патриархии перешел священник Саяма, будущий глава Благочиния РПЦ в Японии, немало сделавший для возвращения Николай-до в лоно Русской православной церкви. Впрочем, эти посещения стали возможны лишь спустя десяток лет, когда, наконец, были восстановлены дипломатические отношения Японии с Советским Союзом. А в 1947 г. американское командование не предоставило альтернативы: единственным православным архиереем, впущенным в страну, стал епископ Американской митрополии.

Епископ Вениамин (Басалыга), первый архиерей Митрополии, рожденный в США (а не иммигрировавший из России), прибыл в Японию 7 января. В тот же день он отслужил молебен в Николай-до. У собора его встречали члены Консистории, полковник Паш и около 20 русских, не принявших советского гражданства. После молебна епископ Вениамин обратился к присутствующим с речью (на английском языке, так как русским он владел слабо), переводить которую взялся член Консистории Александр Манабэ. «В своей речи Вениамин [...] сказал, что Япония раньше не понимала США, начала против них войну, и Бог за это ее покарал, что он приехал в Японию “для налаживания запущенных, благодаря прошлому плохому руководству, дел Японской православной церкви”. Характерно, что Манабэ, переводивший слова Вениамина, первую часть речи Вениамина, где говорилось о непонимании Японией США, на японский язык умышленно не перевел».

Вскоре епископ Вениамин созвал собор, на котором присутствовали члены Консистории, 12 священников с мест и сотрудник русского отдела американской контрразведки. Представлявший в Консистории русскую колонию Ф. Д. Швец, активный сторонник Московской патриархии, приглашен не был. Собор осудил как «ошибочно принятое» решение (6 апреля 1946 г.) о воссоединении с Московской патриархией и отменил его. Одновременно собор постановил войти в юрисдикцию Американской митрополии и оставить епископа Вениамина главой Японской православной церкви, пока она не «сможет быть самостоятельной». Решено было ввести в состав Консистории одного представителя от находящихся в Японии православных американских граждан (т. е. служащих оккупационных войск). Решения собора были разосланы членам Союзного совета для Японии. Англоязычное издание журнала «Тайси» 10 февраля 1947 г. констатировало не без злорадства: «Алексий добился значительного успеха в поощрении панславянской пропаганды и в содействии советским целям в странах за железным занавесом. Но в других местах он не имеет большого счастья».

Но и среди приглашенных на собор нашлось несколько человек, отказавшихся признать разрыв с Русской православной церковью. В знак протеста они покинули собор. На имя Патриарха и Священного Синода было составлено прошение с просьбой направить в Японию епископа или священнослужителя в ином сане для обслуживания церковных нужд верующих, находящихся в духовном общении с Патриархией, под которым поставили подписи 183 человека – в большинстве своем советские граждане, а также русские без гражданства и японские подданные. Возглавив Японскую церковь, епископ Вениамин вел себя недостаточно тактично по отношению к японским верующим. Он постоянно подчеркивал свою связь с американскими оккупационными властями (из Японии сообщалось, что епископ проживает в американском офицерском отеле «Дай Ичи», ходит в штатском платье и пользуется американскими автомашинами). Вопреки ожиданиям Консистории, после его приезда ни Американская митрополия, ни штаб оккупационных войск не спешили оказать Японской церкви щедрую материальную помощь. Сотрудники советского посольства отмечали: «Ввиду неавторитетности епископа Вениамина посещаемость богослужений в токийском соборе резко упала. В воскресенье 16 февраля с. г. (1947 г. – Н. С.), в частности, на богослужении присутствовало несколько человек японцев и 7 русских. Заметно упала посещаемость храма и со стороны верующих американцев. Верующим, особенно русским, Вениамин не нравится за его “гражданский” вид и ношение стоячего крахмального воротничка, подобного тому, какой носят иезуитские священники. Он исключил из службы моление за здравие русских православных и патриарха Алексия и ввел моление за православных в США и президента Трумэна»³⁵.

Русским, которые отказались признать юрисдикцию Американской митрополии, было запрещено молиться в соборе. К весне 1947 г. для богослужений они оборудовали отдельное помещение, находившееся на территории собора в здании бывшей школы им. А. С. Пушкина для детей русских эмигрантов. Церковь была освящена в честь преподобного Сергия Радонежского. Служить для русских стал протоиерей Антоний Такай, изгнанный из Японской церкви по решению Собора 5–6 апреля. Антоний (Макио) Такай родился в 1873 г. в г. Мацусиро префектуры Нагано и принял крещение в четырехлетнем возрасте вместе с родителями, учился в Токийской духовной семинарии, а по окончании служил катехизатором. Во время русско-японской войны он окормлял русских пленных в Курума и Кумамото. В течение многих лет Такай был настоятелем православной церкви в Нагасаки. В 1945 г. во время взрыва атомной бомбы храм был разрушен. Отец Антоний продал земельный участок, на котором стоял храм, и переехал с семьей в Токио. Собор 1946 г. постановил «удалить из Церкви священника Такай (из Нагасаки) за присвоение денег, полученных от продажи... земель, принадлежащих митрополиту Сергию»³⁶, т. е. Японской церкви. Впоследствии эту историю ему не раз припоминали противники. Такай ссылался на то, что продажа произошла с согласия прихожан. Как бы

то ни было, он обладал многолетним опытом общения с русскими верующими, и опыт этот теперь пришелся кстати. Через несколько месяцев по его приглашению к Сергиевской церкви присоединился и другой изгой – вернувшийся из ссылки епископ Николай Оно, которого отец Антоний хорошо знал как соученика по духовной семинарии. 21 февраля 1947 г. Оно вторично обратился к Патриарху Алексию с просьбой принять его в юрисдикцию Московской патриархии и получил согласие. В 1948 г. активность Московской патриархии заметно снизилась. Началась эпоха «холодной войны». Патриархия не могла заниматься активной поддержкой японских оппозиционеров вплоть до 1957 г., когда после нормализации дипломатических отношений Японии и СССР было учреждено Благочиние РПЦ в Японии, на базе которого развернулась борьба за воссоединение с РПЦ всей Японской церкви.

Стремление Японской церкви к независимости, потерпевшее крах после войны, подспудно жило и стало источником новых противоречий, теперь уже с американским священноначалием, особенно обострившихся в 60-е годы. Но это уже предмет другого исследования. Можно думать, что какой-то шаг вперед был сделан Московской патриархией только в 1970 г., которая, после возвращения ЯПЦ в ее юрисдикцию в результате договоренности с Американской митрополией, даровала ей статус автономной, т. е. возможность внутреннего самоуправления.

© Н. А. Суханова